

— Как она? — на крыльце старого деревянного дома суетилась старушка. Она пыталась выглянуть из-за спины сына.

— Не трогай её сейчас. Дай-ка занесу чемодан, — отозвался мужчина.

Старушка неохотно вошла в дом, а он поднял пузатый потёртый чемодан и перенёс его через порог.

— Всё, точно решили? — вздыхая, спросила старушка, поглядывая сквозь тюль на девочку в машине.

— Мам, только не начинай, пожалуйста. Ты же всё понимаешь, что тут обсуждать, — раздражённо ответил мужчина.

— Я-то понимаю, понимаю, — она закивала головой, — только вот Сашка никогда не поймёт и не простит. Что родной отец из семьи уходит. Так-то, Борис.

— Авдотья Петровна! — воскликнул Борис. — Никуда я не уйду и не брошу её. А жить со Светланой мы вместе не можем — и точка.

— Война отцов силой забирала. А теперь времена настали, когда они по доброй воле уходят. Я своего так плохо помню. Помню, когда он на фронт уходил, поднял меня высоко так, прижал к себе, поцеловал и мамке отдал. Больше я его не видела.

— Мам, вечно ты драматизируешь, не война же, — устало отмахнулся мужчина.

— Думаешь, это ты её предал? Её весь мир предал, всё, что когда-то она считала своей силой. Какой ты ещё глупый, Борис, — старушка тяжело села на табурет и посмотрела в окно.

Из машины вышла худощавая высокая девочка, две тугие русые косы лежали на плечах. Лицо и руки в веснушках. Она медленно, как после болезни, подошла к дому и села на поленицу, сложенную Авдотьей Петровной под окнами на случай летних холодных ночей.

— Веснушка поймёт, — резко вставил Борис, — я уезжаю. Как развод закончится, придет Света и заберёт Сашку.

Авдотье Петровне хотелось закричать, объяснить сыну его ошибки так, как будто он маленький и совершил проступок.

Борис, чувствуя её состояние, быстро обнял мать и вышел из маленького домика, в котором прошло его детство.

— До города всего пятьдесят километров, — начал он, подходя к дочери, — а как тут всё иначе. Дышится легче и свободнее. На озере уже и купаться можно. Ты купальник взяла?

Саша кивнула и отвернулась.

— Мама за тобой приедет. Отдохнёшь у бабушки, тут ребят много, из города приезжают. Будет тебе с кем погулять. Ты не обижайся, Веснушка, ну, улыбнись! Я же не умер, — попытался пошутить Борис.

— Лучше бы ты умер, — жёстко ответила Саша, и жгучая болезненная тошнота подкатила к её горлу.

Борис хотел обнять дочь, но она отстранилась.

— Когда-нибудь ты поймёшь, — сказал он и, сгорбившись, пошёл к машине.

— Почему я должна тебя понимать?
Ты не хочешь понять меня? — крикнула ему
вдогонку Саша.

Она, не дожидаясь ответа, забежала
в дом. Авдотья Петровна слышала разгово-
р, она молча встретилась взглядом с Са-
шей. Та тряхнула косами и ушла в комнату,
в одежде легла на кровать и уснула тяжёлым
беспокойным сном.

Проснулась Саша только на следующее утро. Села в кровати и не поняла, где она. Может быть, всё, что произошло, это лишь страшный сон?

Было слышно, как на улице кудахтали бабушкины куры. Саша подошла к окну. По разбитой просёлочной дороге шагал дядя Миша — местный пастух. Он гнал на поле деревенских коров. У бабушки раньше тоже была корова, но ей стало совсем невмоготу за ней ухаживать. На мясо пу-

стить рука не поднялась, и корову отдали соседке. Теперь бабуля по утрам заходила к ней за молоком да проведать свою любимицу.

На кухне пахло блинами и свежим хлебом.

— Садись поешь, — сказала Авдотья Петровна, хлопоча у плиты.

На столе дожидались стакан тёплого молока и горбушка ржаного хлеба. Саша молча съела.

— Перекусила? Молодец, я пока допеку блины, а ты иди-ка дай курам корм.

Девочка с недоумением посмотрела на бабушку, обычно та вставала рано утром и кормила хохлаток сама.

— Голова, как чугунная — болит, — выдавила из себя Саша.

— Ничего, ничего как раз развеешься, — бодро ответила бабушка.

Саша нехотя поднялась и пошла в курятник, перед этим в коридоре она взяла корм. В огороде Авдотья Петровна сделала ограждение, за ним находились курятник и кормушки. Калитка обычно была открыта, так как куры научились перепрыгивать через забор и каждое утро убегали.

Саша зашла за ограду и насыпала корм. Весело кудахча, куры рванули к ней кто откуда и принялись за еду. Только важный петух сначала осмотрел девочку, склонив набок голову, видно раздумывая, своя она или нет.

— Забыл меня, что ли? — усмехнулась Саша.

Бабушка подглядывала за внучкой из окна.

— Труд никому не вредил, любого с того света вернёт, — одобрительно сказала она

себе под нос и вытерла руки о передник, — так-то лучше.

А Сашка и вправду была как с того света, как будто она пережила автокатастрофу и только начинала учиться жить. Есть, смеяться, разговаривать, спать — все эти обычные вещи давались ей с большим трудом.

— Ой, Веснушка приехала! Сашка, привет!

Саша оглянулась и, щурясь от солнца, пыталась разглядеть того, кто её окликнул.

На крыше соседнего сарая сидела Катька. Как бы она ни пыталась уложить непослушные кудрявые локоны, они рассыпались на голове в разные стороны.

Катя спрыгнула с крыши, подбежала и обняла удивлённую Сашу.

— Ты когда успела приехать? — спросила Катя.

— Вчера вечером, меня папа привёз, — ответила Саша.

— А вот и подружки встретились. Здравствуй, Катя, — бабушка выглянула в открытую форточку. — Давайте заходите в дом завтракать.

Девочки радостно переглянулись и пошли в дом.

— У вас, Авдотья Петровна, лучшие блины в деревне, — нахваливала Катя, обмакивая тонкий ажурный блинок в земляничное варенье.

— Секрет у меня один есть, мама научила, — усмехнулась бабушка.

— Саша, пошли гулять к Извилистой, там над рекой в песчаном обрыве ласточки вырыли гнёзда. А недавно у них птенцы вывелись.

— Иди, внучка, иди, — улыбнулась Авдотья Петровна.

Саша переоделась в шорты и футболку. К речке вела просёлочная дорога, вся в кочках и канавках. По ней водили коров.

— Веснушка приехала! — мимо на отцовском велосипеде пронёсся Володька Смирнов, чуть не сбив девочек с ног.

— Смирнов, ты балбес! — крикнула ему вдогонку Катя. — Вот ведь балда, правда? — шёпотом спросила она Сашу.

Саша кивнула.

— Ты чего такая молчаливая? Как жизнь в городе? — не унималась Катя.

— Папа с мамой разводятся. А мне ничего не сказали. Я случайно узнала. Закатила им скандал, а они меня сюда привезли. Чтобы я успокоилась, — грустно сказала Саша, — и не мешала им разводиться.

— Вот дела, — пробормотала Катя, — у Смирнова тоже родители разошлись. Но Володькин отец пил, как конь. Мать его и не выдержала. А у тебя-то батя хороший, интеллигент. Как-никак в институте работает. Как же он тебя бросить решил?

— Он меня не бросил! Говорит, могу жить с ним и мамой по очереди. Но я его ненавижу. И видеть больше не хочу.

— Ну ладно тебе, ты ж его больше всех любишь.

— А теперь нет. Давай не будем об этом говорить. Я всё решила, — твёрдо сказала Саша.

Они подошли к речке Извилистой, там, бросив велосипед, купался Володька. На другом берегу в песчаной горке ласточки наделали нор, в которых свили гнёзда, они сновали туда-сюда над речкой и перекрикивались, ловя мух и жуков.

